

Архимандрит **ИОАНН** (Крестьянкин). **Есть ли адские** **муки?**

Слово старца Иоанна в Неделю о Страшном Суде

По рассказу Н. А. Мотовилова
из книги “Всемирный Светильник Преподобный Серафим”, составленной
митрополитом Вениамином (Федченковым)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Други наши, сегодня, в Неделю о Страшном Суде Божиим, грядущем, как тать, на всю вселенную, дне, когда решится окончательно и бесповоротно участь всякого земнородного, живущего и уже поглощенного смертью, когда каждый из нас услышит или: *“...приидите, благословеннии Отца Моего,*

наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира”, или: “...идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелом его” — мне хочется привести для вас мало кому известное свидетельство живого человека об истинности адских мук, ожидающих тех, кто услышит страшное слово последнего приговора: “...отыдите от Мене...” (Мф. 25, 34, 41).

И сказать об этом свидетельстве меня побуждает поток писем и личные беседы со многими людьми, уже теперь страждущими от бесовского насилия и обдержания и уже теперь отчасти прикасающимися к этим мукам. Очень-очень много людей испытывают их теперь, но очень немногие понимают, что же с ними происходит. И потому ищут люди спасения и исцеления там, где получить его не могут.

Сегодняшний рассказ укажет всем страждущим единственно верный путь несения подвига и путь к исцелению — это вера, молитвы Церкви и Божии милости, подаваемые страждущим в Таинствах Церкви.

Николай Александрович Мотовилов — “служка Серафимов”, как он сам себя любил называть,— тот, который удостоился чудного исцеления по молитвам угодника Божия, а впоследствии лицезрения собственными очами сияния лика преподобного Серафима Фаворским светом благодати Святого Духа. Человек горячего и искреннего сердца, дабы, действительно, послужить памяти отца Серафима, он решил лично поехать на родину великого старца, в Курск, и собрать сведения о его детстве и юношестве, а также посетить Киево-Флоровский монастырь. Поездка эта имела весьма тяжкие последствия для Николая Александровича: он заболел по попущению Божию от врага, излившего на него свою месть за труд, послуживший к прославлению угодника Божия, отца Серафима. Обстоятельства, предшествовавшие болезни Николая Александровича Мотовилова и объясняющие ее начало, были следующие.

Как-то раз в беседе с преподобным Серафимом зашел разговор о вражьих нападениях на человека. Светски образованный Мотовилов не преминул, конечно, усомниться в существовании злой силы. Тогда преподобный поведал ему о своей страшной борьбе с бесами в течение 1000 ночей и 1000 дней. Авторитетом своей святости, силою своего слова, в котором не могло быть даже тени лжи или преувеличения, старец убедил Мотовилова в существовании бесов не в призраках или мечтаниях, а в самой настоящей

горькой действительности.

Пылкий Мотовилов так вдохновился повестью старца, что от души воскликнул:

— Батюшка, как бы я хотел побороться с бесами!

Батюшка Серафим испуганно перебил его:

— Что вы, что вы, ваше Боголюбие! Вы не знаете, что вы говорите. Знали бы вы, что малейший из них своим когтем может перевернуть всю землю, так не вызывались бы на борьбу с ними!

— А разве, батюшка, у бесов есть когти?

— Эх, ваше Боголюбие, ваше Боголюбие, и чему только вас в университете учат?! Не знаете, что у бесов когтей нет. Изображают их с копытами, когтями, рогами, хвостами потому, что для человеческого воображения невозможно гнуснее этого вида и придумать. Таковы в гнусности своей они и есть, ибо самовольное отпадение их от Бога и добровольное их противление Божественной благодати из Ангелов света, какими они были до отпадения, сделало их ангелами такой тьмы и мерзости, что не изобразить их никаким человеческим подобием, а подобие нужно,— вот их и изображают черными и безобразными. Но, будучи сотворены с силой и свойствами Ангелов, они обладают таким для человека и для всего земного невообразимым могуществом, что самый маленький из них, как и сказал я вам, может своим когтем перевернуть всю землю. Одна Божественная благодать Всесвятаго Духа, туне даруемая нам, православным христианам, за Божественные заслуги Богочеловека Господа нашего Иисуса Христа, одна она делает ничтожными все козни и злоухищрения вражи.

Жутко стало тогда Мотовилову. Прежде, под защитой преподобного, он мог не бояться злобы сатанинской. Но легкомысленный дерзкий вызов, по попущению Божию, не остался без последствий — он был принят.

Когда Мотовилов после кончины старца Серафима поехал в Курск, немного ему удалось собрать здесь сведений о детстве и юности преподобного. Близкие родные, помнившие отца Серафима в молодости, или умерли, или отзывались забвением. Даже дом, в котором родился и воспитывался

преподобный, был разрушен, а на месте его выросли новые постройки. Нашелся только один старик, ровесник батюшки, который и дал Мотовилову сведения, вошедшие теперь во все издания жития преподобного Серафима.

Поездка в Курск и пребывание в нем были вполне благополучны. Гроза ждала Мотовилова на возвратном пути в Воронеж. На одной из почтовых станций, по дороге из Курска, Мотовилову пришлось заночевать. Оставшись совершенно один в комнате для приезжих, он достал из чемодана свои рукописи и стал их разбирать при тусклом свете одиночной свечи, еле освещавшей просторную комнату. Одною из первых ему попала запись об исцелении бесноватой девицы из дворян, Еропкиной, у раки святителя Митрофана Воронежского.

“Я задумался,— пишет Мотовилов,— как это может случиться, что православная христианка, приобщающаяся Пречистых и Животворящих Таин Господних, и вдруг одержима бесом, и притом такое продолжительное время, как тридцать с лишним лет. И подумал я: вздор! Этого быть не может! Посмотрел бы я, как бы посмел в меня вселиться бес, раз я часто прибегаю к Таинству Святого Причащения!..”

И в это самое мгновение страшное, холодное, зловонное облако окружило его и стало входить в его судорожно стиснутые уста. Как ни бился несчастный Мотовилов, как ни старался защитить себя от льда и смрада вползавшего в него облака, оно вошло в него все, несмотря на его нечеловеческие усилия. Руки были точно парализованы и не могли сотворить крестного знамения; застывшая от ужаса мысль не могла вспомнить спасительного имени Иисусова. Отвратительное, ужасное совершилось, и для Николая Александровича наступил период тягчайших мучений.

Собственноручная запись его дает такое описание испытанных им мук: “Господь сподобил меня на себе самом испытать истинно, а не во сне и не в привидении, три геенских муки.

Первая — огня неслетимого и неугасимого ничем более, как лишь одною благодатию Духа Святаго. Продолжалась эта мука в течение трех суток, так что я чувствовал, как сожигался, но не сгорал. Со всего меня по шестнадцать или семнадцать раз в сутки снимали эту геенскую сажу, что было видно для всех. Перестали эти муки лишь после исповеди и причащения Святых Таин

Господних молитвами архиепископа Антония и заказанными им по всем сорока семи церквам Воронежским и по всем монастырям заздравными за болящего раба Божия Николая ектениями.

Вторая мука — в течение двух суток — тартара лютого геенского, так что и огонь не только не жег, но и согреть меня не мог. По желанию его высокопреосвященства (архиепископа Воронежского Антония) я с полчаса держал руку над свечой, и она вся закоптела донельзя, но не согрелась даже. Опыт этот удостоверительный я записал на целом листе и к тому описанию руку мою, закопченную свечной сажой, приложил.

Но обе эти муки, благодаря причащению Святых Христовых Таин, давали мне хоть возможность есть и пить, и спать немного мог я при них, и видимы были они всеми.

Но третья мука геенская, хотя на полсутки уменьшилась, ибо продолжалась только полутора суток и едва ли более, но зато велик был ужас и страдание, неопишимо и непостижимо. Как я жив остался от нея! Исчезла она тоже от исповеди и причащения Святых Таин Господних. На этот раз сам архиепископ Антоний из своих рук причащал меня оными. Эта мука была — червя неусыпного геенского, и червь этот никому более, кроме меня самого и архиепископа Антония, не был виден; но я весь сам был преисполнен этим наизлейшим червем, который ползал во мне всем и неизъяснимо ужасно грыз всю мою внутренность, но и выползая через рот, уши и нос, снова во внутренности мои возвращался. Бог дал мне силу на него, и я мог брать его в руки и растягивать. Я по необходимости заявляю это все, ибо недаром подалось мне это свыше от Бога видение, да не возмужет кто подумать, что я дерзаю всуе имя Господне призывать. Нет! В день Страшного Суда Господня Сам Он Бог, Помощник и Покровитель мой, засвидетельствует, что я не лгал на Него, Господа, и на Его Божественного Промысла деяние во мне совершенное”.

Вскоре после этого страшного и недоступного для обыкновенного человека испытания Мотовилов имел видение своего покровителя, преподобного Серафима, который утешил страдальца обещанием, что ему дано будет исцеление при открытии мощей святителя Тихона Задонского и что до того времени вселившийся в него бес не будет уже его так жестоко мучить.

Действительно, через тридцать с лишком лет совершилось это событие, и Мотовилов его дождался, дождался и исцелился по великой своей вере в самый день открытия мощей Тихона Задонского в 1861 году. Мотовилов стоял в алтаре, молился и горько плакал о том, что Господь не посылает ему исцеления, которого по обещанию преподобного Серафима Саровского ждала его измученная душа. Во время пения Херувимской песни он взглянул на горнее место и увидел на нем святителя Тихона. Святитель благословил плачущего Мотовилова и стал невидим. Мотовилов сразу почувствовал себя исцеленным.

И вот, дорогие мои, у многих теперь возникнет недоуменный вопрос: “Как, за что и зачем такая страшная мука постигла верующего человека?!”

Мы с вами, дорогие мои, часто забываем, что у Бога один день как тысяча лет, и тысяча лет как один день. И что жизнь наша земная — время купли или вечных благ, или вечных мук. Будучи в земной жизни рядом с преподобным Серафимом, Мотовилов по любви к нему жаждал и в вечности не разлучаться с ним. И вот ценой таких страданий, терпения и слез последовал за преподобным, за его славой в вечности мирской человек.

Так дай нам Господь не туне услышать сегодняшний рассказ. Пусть он одних вдохновит на терпение, в других вселит надежду, третьих устрасит ожидающей нас реальностью. И всех нас вдохновит на ожидание с трепетом и радостью пришествия Господня.

Господи, слава Тебе за себя и за всех, за всё и за вся.
Слава Тебе! Аминь.

Произнесено 8 (21) февраля 1993 года

Источник: <http://pravoslavie.ru/2122.html>